

Ради наших улыбок Винокур готов кататься по Тверской на самокате

Буквально на днях офис Владимира Винокура переехал. Даже такое сугубо деловое техническое мероприятие не обошлось без участия его сценического партнера Лёвчика. Любимец советских милиционеров, Лев Валерьянович Лещенко также перебрался со своей коммерческой структурой из того же, что и Винокур, окружного Дома офицеров на тот же, что и Винокур, этаж гостиницы «Пекин». Кабинеты друзей вновь расположены через стенку.

Из окна в офисе Владимира Натановича хорошо просматривается фрагмент Тверской улицы, из лещенковского окна — аналогичный вид. Когда куранты возвестят о наступлении в государстве Российском Нового года, Винокур и Лещенко будут рядом, в компании еще 60—70 знакомых, они взглянут в одно и то же окно на Кремль. Два народных артиста специально выбрали для встречи столь эпохально-го праздника здание, из которого отлично видна обитель государственных вождей. Не с одним из них они были знакомы лично, не одному скрашивали редкие, в потоке забот о народном благе часы досуга. И вот теперь, на пороге третьего тысячелетия, из всех мест на свете более всего приглянулось им то, что в непосредственной близости от знакомых с рождения зубчатых стен.

— За границу, стало быть, в страну какую-нибудь экзотическую решили в такой период не отправляться?

— Да, этот Новый год хотелось встретить в Москве. Тем более праздник-то считается семейным, а для моей мамы он является еще и днем рождения, и, естественно, я стараюсь отмечать его вместе с ней.

— С Лещенко вы дружны более 30 лет, однако ваш творческий альянс формировался относительно недавно. Тому имелись какие-то причины?

— Мы двигались параллельными путями, а несколько лет назад я предложил Льву создать проект «Вовчик и Лёвчик». Он, как солидный человек и певец определенного амплуа, ассоциирующийся с песнями «День Победы», «За того парня», долго сопротивлялся. Мне, клоуну, все равно, а Лёва очень переживал — как это его станут называть Лёвчиком? Но потом понял замысел и со мной согласился.

Зрители сегодня уже устали от «малых форм», от грязных занавесов, потасканных кулис и исполнителей, выходящих на сцену с выключенными радиомикрофонами, без музыкантов, без балета. Они хотят видеть больше.

У Лещенко же свой коллектив, оркестр, красивые девочки на подпевках, он сам поет «живьем». Короче, есть картинка. У меня имеется обрамление сцены — задник, занавес, своя эмблема — «Вино-шоу-кур», существуют некие игровые «примочки». Когда перечисленные компоненты совмещаются, выходит зрелищный спектакль. Мы с Лёвой появляемся перед публикой в смокингах, девушки в специально сшитых костюмах. Зрители понимают, что их ждали, их уважают.

— Ваш тандем неизменно возникает практически на всех помпезных мероприятиях, концертах, чьих-то юбилеях. Многие склонны воспринимать вас, как артистов ангажированных, придворных, если хотите...

— Не бывает артистов придворных и приличных. Хотя упреки подобные в наш адрес раздавались раньше, когда пришла демократия. Молодые журналисты говорили: «Вот, вы работали на разных партийных и комсомольских съездах, значит, вы придворные исполнители!». Полагаю, и без моего ответа понятно, что тогда было не только время песен о Родине, но и лакмусовое время. Советские партийные чиновники ни за что бы не допустили попадания артиста среднего звена или просто малоизвестного исполнителя на сцену Кремлевского Дворца съездов. Разве вы знаете «придворными» Плисецкую, Райкина, ансамбль Моисеева, «Березку»? Тогда нельзя было попросить какого-нибудь спонсора заплатить за появление на телеэкране или в правительственном концерте некоей девочки, выступающей даже не под именем, а под кличкой. Те выступления являлись серьезнейшим экзаменом, оценкой уровня артиста. Они транслировались на всю страну.

Не говорю, что сегодня исчезли авторитеты (в хорошем смысле слова) или девальвировались артисты, но значимых новых имен появляется совсем немного. И в нашем случае ни о какой придворности речи не идет. Просто есть желанные исполнители и те, которых не хотят видеть ни в сольниках, ни в

«У меня нет времени на веселье».

сборниках, ни на правительственных банкетах, ни на банковских, ни на холдинговых и т.д. Неинтересного артиста не пригласят нигде.

— Космемся в таком случае вашего жанра. Совершенно очевидно, что новых имен в нем почти не появляется. Если внимательно приглядеться к «Смехопанораме» или «Аншлагу», сразу заметно, что из года в год там солирует одна и та же компания.

— Ну да, семья, мафия...

— Черт с ней, с мафией. Похоже, все закономерно, жанр перестал развиваться, потерял актуальность, существует, скорее, по инерции, удаляясь на периферию, выезжая на давным-давно знакомых именах. Сойдет данная плеяда, и все закончится. Останется лишь остроумный философ Жванецкий, давно перешедший в ряды просто талантливой литературы, а массовому зрителю вполне хватит КВНов, «О.С.П.-студий», газет в конце концов. Кстати, ваши коллеги — Шифрин, Хазанов в общем-то соглашались с подобным суждением.

— Я придерживаюсь иного мнения. Во-первых, появляются сейчас новые прекрасные артисты — Юрий Пальцев, Геннадий Ветров, Лена Воробей. Да, наш жанр мало обновляется, но учтите его специфику. Юмор — редкий дар. Совершите экскурс в советскую историю и увидите, что имен в нашем амплуа было не так уж много и выступали они десятилетиями: Аркадий Райкин, Милов и Новицкий, Миронова и Менакер, Карцев и Ильченко, чуть позднее появились Хазанов, Петросян.

Скорее, у Миши Жванецкого задача ныне усложнилась. Его читали под одеялом, слушали втихую, запрещали официально, хотя те же чиновники любили приглашать его на все свои вечера. Теперь у него мощный конкурент в лице СМИ. А наш жанр как раз прогрессирует. Я же работаю, вижу полные залы. Хотя мысль о том, что жанр умер, действительно высказывали не раз. Ну вот мы и странствуем, живые трупы, с площадки на площадку, из города в город. Люди радуются, говорят, что мы отвлекаем их от повседневности, от дурацкого бытия.

Я не акцентируюсь на политике и прекрасно понимаю свою задачу и свое место. Я возглавляю государственный театр пародии, и занимаемся мы музыкальными пародиями, скетчами. Приближения старухи с косой, смердения я не чувствую. По-моему, артисты, задумывающиеся над этим, пораженные какой-то внутренней паникой. Но ведь тот же Жванецкий правильно сказал когда-то: «Если упал эквилибрист, это не значит, что закрылся цирк».

Меня больше волнует другое. Мы сейчас с Семеном Алтыновым делаем новый спектакль. В нем множество технических приспособлений, а в Москве нет зала, в полной мере соответствующего на-

шим задумкам. В Театре Эстрады поставить его невозможно. Да и в более крупных залах тоже. В столице давно пора построить современный концертный зал. Мы входим в XXI век, а залы у нас из середины двадцатого. Переоборудование любого из них обойдется дороже, чем строительство нового.

Оптимальным мне представляется зал на 5 тысяч мест, с передовыми технологическими начинкой, со своими стоянками, рестораном, кафешками, варьете, клубами. Расположить его можно, например, на набережной. Нужен зал, куда не стыдно было бы приглашать звезд мировой величины, и им не приходилось бы при этом везти с собой тонны оборудования. Они присылали бы запрос, и большая часть их требований удовлетворялась бы на месте.

— Владимир Натанович, вы появились пред правительственными очами уже на закате брежневской эпохи, следовательно, вряд ли были особо близки к политической элите того периода. А когда вы почувствовали, что статус уже позволяет вам без проблем напрямую звонить в дверь начальственных кабинетов?

— Я что-то этого перехода не заметил. Знаком я, конечно, со многими руководителями. Лично общался фактически со всеми министрами. Бориса Николаевича знал еще в его бытность секретарем Свердловского обкома. Ельцин тогда лично пригласил нас с Хазановым выступить на Дне города.

— Тем не менее сложно поверить, что никогда вы не пользовались перечисленными знакомствами, не решали с помощью высоких связей отдельные вопросы...

— А какие вопросы? Я по жизни не нуждаюсь в подобной помощи. Квартиру, машину приобрел сам. Театр мой, хоть и имеет федеральный статус, не получает ни единого дотационного рубля, находится на хозрасчете. С людьми контактирую без посредников, меня знают лучше, чем любого члена правительства. Однажды, слегка конфликтнув с высоким чиновником, я сказал ему: «Пойми, вы люди временные, а нас народ избрал один раз и на всю жизнь». Мандаты нам не требуются.

Мне как-то Руцкой предложил, мы с ним земляки, даже учились когда-то в одной школе: «Володь, давай от Курска баллотируйся в Думу». Уверен, что прошел бы. Там моя родина, мои люди. В Курске я вырос, получил образование. Я люблю тамошних жителей, езжу к ним с концертами. Они бы меня выбрали. Но я ответил: «Саш, я обхохочусь, если хоть день в Думе посижу. Когда по телевизору репортажи откуда вижу и то от смеха умираю. Я действующий артист, у меня нет времени на это веселье. Лучше еще поработаю».

— После попадания в жуткую автотрагедию, о которой немало тогда говорилось, вы долго потом не садились за руль?

— Сел в машину, как только начал ходить. Встал на костыли, еще в германском военном госпитале попросил прикатить мне автомобиль, сел в него и поехал по трассе, чтобы преодолеть этот психологический барьер. Я не считаю, что человек, разбившийся на машине, должен впоследствии опасаться садиться за руль, а человек, уцелевший в авиакатастрофе, не должен больше летать самолетами.

— Выходит, вы человек психологически устойчивый?

— Да, поскольку верю, что в судьбе все расписано. Того, что должно произойти, не избежишь, а от прочего сбережешься. Уже несколько раз в моей жизни случались моменты балансирования на грани. В Афганистане произошел недолет-перелет двух реактивных снарядов, а третьего случайно не было. Этому свидетель генерал Громов. Позднее мы с Лёвой случайно не сели на корабль «Адмирал Нахимов», погибший в Новороссийске. Всякое, короче, бывает, но я по натуре оптимист. В XXI век стоит входить с улыбкой. Нормальных людей в России больше, чем дебилов, и, надеюсь, никаких катаклизмов, переворотов, ожидаемых кем-то, с нами не случится. Просто темное, жуткое время заставило людей сжаться. Обратите внимание, когда идете по улицам, все прохожие в глубокой задумчивости, практически никто не улыбается.

— А вы часто ходите по улицам?

— Нечасто. Но если хожу — улыбаюсь. Со мной случай особый: когда люди меня видят, они начинают улыбаться. Наверное, вы правы. Мне нужно чаще появляться на улицах. Попробую сделать себе какой-нибудь самокат или ролики и стану с серьезным видом кататься сверху вниз по Тверской, а встречные будут на меня смотреть и смеяться...

Скоро ли Владимир Натанович приступит к созданию персонального самоката, неизвестно. Пока Винокур сообщил мне о том, что, по совету Владимира Довганя, собирается заняться продовольственным бизнесом, выпуская продукты под своей именной маркой. Прежде всего заслуженный пародист намерен привести свою деятельность в соответствие с фамилией и освоить производство вина. Также в планах значится выпуск винокуровской водки, пива, безалкогольных напитков, колбасы, молочных продуктов и т.п. Если в конечном итоге Винокур создаст-таки давно напрашивающееся у нас учреждение, вроде Государственного театра пародии и продовольствия, хмурые лица, возможно, совсем исчезнут с наших улиц. И в третьем тысячелетии нам будет очень весело...